Вера Ильинична Коварская, литератор, мемуарист, постоянный автор нью-йоркских «Нового журнала» и газеты «Новое русское слово». См. ее воспоминания о рождестве, встреченном в Одессе 1918/19 г. (Коварская 1962:4). В некрологе М.С. Цетлиной, вспоминая детские годы и эвакуацию на пароходе «Кавказ», она писала:

Так хорошо помню Марию Самойловну с апреля 1919 года! Моя семья встречалась с ней и намного раньше – но я предыдущего просто не помню.

В середине апреля 1919 года наш пароход «Кавказ», эвакуировавший нас из Одессы, стал на якорь у Золотого Рога. Что делать дальше? И вот в одно прекрасное, такое солнечное утро, к «Кавказу» подошел катер с флагом Черноморского флота. Поднялся матрос. «Где тут семья Коварских? Вас Цетлины ждут на катере…». Это было совершенно удивительное совпадение, и только Мария Самойловна могла об этом подумать… И нас, с нашими скромными пожитками (у меня до сих пор сохранилось одеяло – все сейчас в клочьях, но его я никогда не выкину… пусть оно будет моим саваном, – что мне подарила мачеха отца в 1915 году; и маленький фарфоровый золотой башмачок, что положил начало моей коллекции крохотных туфелек, которых у меня около 250, завещанных местному музею в Пурдис).

…И Цетлины привезли нас на остров Халки. Они жили там в прекрасном отеле, мы же жили в «Комнате городских голов» в греческой семинарии, на холме, откуда открывался изумительный вид на Мраморное море… Нас кормили французы… кроликами, которых никто не хотел есть, и всем заведовал полковник фон Рейтлингер, брат которого, иконописец, проживает сейчас в Филадельфии.

Мария Самойловна часто приглашала нас к себе, подкармливала. А с дочерью ее, Шурой Авксентьевой (теперь Прегель) мы часто играли на пляже, где моя мать и Вера Руднева стирали белье… И так шли месяцы, пока мы все не получили визы во Францию (не ехать же было в «дикую страну индейцев» США? Мы мечтали о скором возвращении на родину).

И потом была «Каркавада», «что вышла из ада», как М. Цетлин написал в моем корабельном альбоме… И кроме нас еще с нами плыли три недели до Марселя и Алданов, и его будущая жена, и Алексей Толстой с Крандиевской и с Никитой («Детство Никиты») (Коварская 1976: 3).